

ПУТИ ИМ ВЕДОМЫ!

С самого утра технику водопроводной станции Николаю Несонову было как-то не по себе. Ныла раненая нога, ломило грудь. Выходя после работы из сварочного пеха, он подумал вслух: «Бойся мой старик, а до бабки про себя: «а до бабки должно быть, а теперь стая, как барометр».

Свежий апрельский ветер налетел на него сзади, обнял за плечи и сразу вдруг захотелось побить насквозь с этим ветром. Несонов свернул за угол и пошел к парку. Ему всегда нравился этот тихий уголок старого Курска — парк с большой братской могилкой. Летом возле братской могилы, сделанного из черного мрамора, играли дети, здесь благоухали белые французские гвоздики и табак. Но сейчас была ранняя весна и сухие тонкие зеленые перья травы пронызывали прошлогодние листья. Сидящее солнце... Несонов опустил на пенек срезанные осины и задумался. С чем можно сравнить человеческие мысли? Может быть с тонкорылыми ласточками? Нет, они не так проворны и легки! Они не могут улететь в прошлое и неожиданно упорхнуть в будущее.

Несонов не заметил, как мысленно очутился возле старой Орши среди минированного поля. Он слышал, как вокруг него рвались фугасы, и непрерывно стучал пулемет.

Он снова проходил со своим танком через поле смерти, давая эту смерть — для того, чтобы его боевые друзья прошли прожженной им дорогой к жизни. И вдруг услышал влюбленный трюк и смеется. Машинка наскочила на фугас, у нее оторвало трамплин, хвостовая часть оказалась разбитой... Он видел, как и ней бежали немцы. Слышал свист гранат, и обонял запах гари... Неужели это могло продолжаться семнадцать часов подряд? — подумал он. За них, за эти семнадцать часов, он и получил орден Отечественной войны 2-й степени. Позже получил второй такой же орден. Всего у него шесть наград. А мысли кружились и кружились, становясь все пазлывнее. — Мы победили врага, — думал он. — Мы вернулись к освобожденному труду, как пишут в газетах, да мы вернулись к мирному труду. Ну а вот, когда мы уйдем, сойдём со сцен (как ни больно об этом думать, но ведь это же неизбежно), что будет тогда? Кто и как будет беречь нашу родину, кровью орошенную, землю? Кто, ои, — наши преемники? Справятся ли, сумеют ли сберечь ее? И Несонов вдруг почувствовал, как беспокойно зарывалось сердце в его простреленной груди.

Мимо него торопливо пробежали три девочки с портфелями, проливая две девушки-студентки, но он не заметил их. И вдруг до него дошел слух:

— А ты помнишь у Жана Ришар-Блока:

«Во в каждом сердце, в каждом камне

Ключик, бьет ключом огонь

И руки многих тысяч граждан

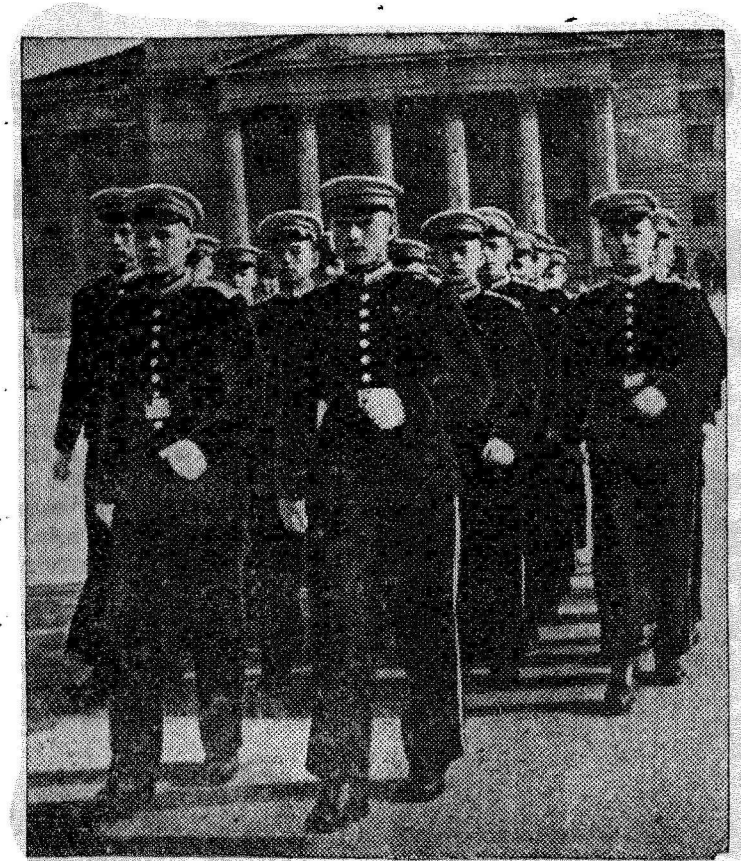
Круженье рвется, только трюк!»

Несонов поднял голову. Два подростка лег на шестнадцать остановились возле чужой решетки шагах в пяти от него. Стылих читал тот, что был повисше — смуглый и кареглазый, с большой родинкой на щеке.

— Нет, ты погоди, — перебил его белокуры товарищ, — ты погоди. — Он быстро согнул ногу в колене и, положив на нее портфель, раскряхтел замком.

— Ты послушай-ка вот это, — сказал он, доставая тоненькую книжечку в лиловом переплете. — Это из «Песни о Москве» Рауль Кортеса. Мальчишка пропал мимо него и стихов о Москве он не услышал. Но почувствовал вдруг, что его кто-то словно толкнул в грудь. И толчок этот доставил ему смутную радость. — Как он сказал, — стараясь он припомнить, — «оружье рвется, только трюк...» Но что он, Несонов, знает об этих поэтах — Рауль Кортес, Жан Ришар-Блок? Нет, он ничего о них не знает!

— Удивительно мальчуганы растут у нас и какими растут, а?.. Пока мы там воевали, они тут себе росли, — подумал он и засмеялся над несладкостью своих мыслей. А по дороге мимо него шла уже другая пара ребят — эти были совсем малявки, может быть второклассники. У того, что был поменьше, через плечо висела сумка из-под противогаза, превращенная в рюкзак. Мальчуган напоминал нахохлившегося воробья. Второй, ушастый и очень здоровый, очевидно подавая его своему осведомленности в обсуждаемом ими вопросе. — Что же тут непонятного? — удивлялся он. — В середине атома ядро, оно заряжено положительным электричеством, а вокруг ядра электроны, заряженные отрицательным электричеством... понятно?..

Курские суворовцы. Фото М. ШЕХОВЦОВА.

— Батюшки мои, да ведь это они об атомной бомбе... эти комары. А мы то в их годы только в городки играли!

Чистые и резкие звуки военного марша вдруг оборвали петь интересных мыслей. Играл духовой оркестр. Мимо парка по дороге маршировали самые маленькие суворовцы. Несонов вышел из парка и пошел за ними. От бурных ли звуков марша или от того, что он унес отдохнуть в парке, раненая нога перестала болеть, плечи расправились и грудь как-то невольно подалась вперед. Подвигав шаг, он шел почти рядом с малявками и хорошей бодростью напояла его сердце.

— Вот она, наша добрая смена, и те с мудрыми поэтами, и те с атомными бомбами и эти вот... «герои». И обращаясь вдруг к незнакомому человеку, идущему ему навстречу, сказал: — Нет, вы посмотрите на выправку, вы на выправку то посмотрите! — каковы! А ведь им всего-то лет по восьми... И певольно вспомнились ему чудесные строки из «Слова о полку Игореве»:

«Под трубами погвты,

Под шелестом восхолены,

Под колымаи восхолены,

«Эти слова можно отнести к нам сейчас, мыльные мои мальчишки, а вот эти вы оправдаете позже», — подумал он.

«Пути им ведомы,

Овраги им знаемы,

Дули их натянута,

Молчаны отворены,

Сабля изостерены.

Солнце село — голубоватые сумерки опускались на притихшие сады.

А в читальне Суворовского училища в этот тихий час возле окна стояли два воспитанника — Юра Бегшев и Ильяша Рубцов. Первый высокий, широкоплечий, черноглазый, с очень подвижным лицом, второй худенький, сдержанный и слишком серьезный для своих шестнадцати лет. Мальчишки учились в разных классах — Юра в шестом, Ильяша в пятом, но были большими друзьями. Юра не в первый раз, очевидно рассказывая товарищу о своей последней поездке домой в Москву. — С отцом мы встретились, как хорошие друзья, — говорил он, — встретились по-взрослому, как мужчины. А сестренка моя Рита от меня ни на минуту не отходила. Все перед зеркалом мундир мой примеряла... Нет, а чем же это я было печаль? А, да о моем отце... Ты представи себе не можешь, как мне было интересно его слушать, сколько он знает боевых эпизодов, сколько сам он видел опасностей... Я крепко запомнил один его рассказ, самый страшный, о том, как его спас сержант Гриня. Дело было так: немцы стали обстреливать минометную батарею отпа, осколки попал отцу в голову. Он потерял сознание, из раны лилась кровь. Когда он очнулся, то увидел себя на руках у Грини, он нес его по направлению к леску под дождем пули. Немцы шли на батарею колымом, и колым с каждой минутой все сжималось. Едва только Гриня вынес отца из леса, как он окомнулся. Папа долго лежал в госпитале и потерял Гриню из вида, сейчас он его разыскивает. — Будь таким же честным и таким же храбрым, как Гриня, — сказал мне отец. И я дал ему слово быть честным солдатом. Но учеба дела идут у меня отлич-

но. А вот ты, Ильяша, счастливый, ты уже и на фронте побывал. В шестнадцать лет иметь две медали — это не так-то просто. У нас награды даром не дают. Храбрый ты, — Ильяша покраснел.

— А знаешь, — сказал он, — храбрость она сама приходит, когда бывает очень страшно. Там, у Днепра, где стояла наша часть, надо было всем быть храбрыми. Да и под Белгородом тоже были целые дни...

Беседу их прервал маленький подвижной мальчуган. Он быстро открыл дверь в читальню и, увидев, что там кроме его друга никого нет, закричал: «Здесь будущие закончен». Если вы хотите, я прочту вам сейчас свою фантастическую повесть.

— Читай, Чекалин, читай! До сигнала мы унесем ее послушать, — сказал Юра. Чекалин подошел к окну и развернул тетрадь.

«Когда разведка была окончена, подполковник включил экран, наведенный на катапульты. Вокруг них все замерло в тяжелом ожидании боя. Вошел дежурный офицер и, подавая подполковнику пакет, четко отразилось: «Пакет из штаба Главнокомандующего». Подполковник вскрыл пакет, наморщил лоб, ссыкая что-то вспомнить. — «Станислав, Станислав... не тот ли это Станислав, с которым мы учились в Курске в Суворовском военном училище», — сказал он. — Ведь он еще тогда вместе с нами занимался постройкой наших пушек. Но почему он не писал нам около двадцати лет? Или поднялся на поверхность аэростата. В воздухе появились танк-самолет. Сделав крутой вираж, боевая машина приземлилась. Из открывшегося люка на землю выпрыгнул с легкостью спортсмена генерал. На рукаве кителя блеснула золотая звезда, на плечах — пушечное орудие. Старые друзья спустились в кабинет подполковника Широкого.

— Вы хотите знать, где я был и что делал эти двадцать лет? — сказал Станислав. — Хорошо помните Курское Суворовское военное училище и наши забавы. Первая построенная нами электропушка натолкнула меня на мысль, которой я посвящаю всю жизнь. Нужно было уметь заменить по-рох электроэнергии и тяжелые стволы сверхдальнобойных пушек легкими конструкциями катапульт. Эти задачи я разрешил по окончании артиллерийской академии в стенах секретной лаборатории. Вырванные вещи сюда снарядов я заменил жидким воздухом в смеси с алюминием. Этот новый вид взрывчатого вещества дает при разрыве температуру в 3000 градусов. Все, что находится в секторе разрыва разлуска до двух километров, плавится и превращается в пену».

Звук сигнала к ужину заставил мальчиков вернуться из области будущего в настоящее.

— Как интересно, — мечтательно улыбулся Юра, — как интересно, завтра ты дотянешь нам все до конца...

— Ну, а этот генерал-изобретатель, конечно, ты...

Город спал... Чистые звезды большими серебряными каплями дрожали над ним. Спали все — и будущие герои, и Николай Несонов, честный и храбрый танкист... Нога его перестала ныть, на завтра барометр предсказывал ясную погоду.

Л. ШЕЛЕТ.

Документы, подтверждающие существование военного союза между гитлеровской Германией и Испанией

Во время боев за Берлин разведывательные органы Красной Армии захватили часть архива министерства иностранных дел Германии. Среди взятых в германском министерстве иностранных дел документов обнаружены переписка бывшего министра иностранных дел Германии фон Риббентропа с германским поверенным в делах в Испании Мольте по вопросу о заключении в 1943 году секретного военного протокола между Испанией и Германией и проект подписанного в Мадриде 12 февраля 1943 года секретного военного протокола.

Публикуемые ниже документы показывают, что сообщник Гитлера — генерал Франко не только фактически помогал гитлеровской Германии в войне против союзников, но и юридически оформил 12 февраля 1943 г. свой военный союз с Гитлером и обязался в соответствии с этим выступить против союзнических армий. Нетрудно теперь понять, что только решительное наступление Красной Армии и энергичные действия союзных армий в Африке и на Европейском континенте не дали этому союзнику Гитлера возможности претворить в жизнь свои преступные планы.

Из документов также видно, что фактический военный союз между гитлеровской Германией и франкистской Испанией существовал задолго до подписания тайного военного протокола, который лишь юридически оформил этот союз. Так, еще осенью 1942 года происходили переговоры между Гитлером и командиром испанской «голубой дивизии» генералом Муньос Гранде по вопросу о поставках Испании германского оружия и военных материалов для использования их в войне против союзников.

Ниже публикуются тексты телеграмм, относящихся к заключению военного союза между гитлеровской Германией и Испанией Франко и текст подписанного 12 февраля 1943 года секретного военного протокола.

Специальный поезд, 28 декабря 1942 г. 20 ч. 20 м. Получена: 28 декабря 1942 г. 21 ч. 10 м.

Имперский министр иностранных дел 303/Р. № 1.633 от 28.12. В германское посольство в Мадриде.

Примечание: Передача совершенно секретно в посольство лично поверенному в делах. В Мадриде за № 5.081.

Берлин, 29.12. 1942 г. личн. шифр. телеграмма на телеграмму 6846 от 24 декабря для Вашей личной, строго доверительной информации сообщено, что вопрос о снабжении Испании оружием игра-ет значительную роль в беседе между фюрером и генералом Муньос Гранде, имевшей место 13 декабря в главной квартире фюрера, перед возвращением генерала в Испанию. Фюрер заявил генералу, что мы поставили бы оружие не только в достаточном количестве, но и требуемого высшего качества, если бы были уверены, что Испания станет с оружием в руках на защиту против всякой попытки проникновения и против всякого нападения со стороны наших противников, где бы ни произошло вражеская высадка: в Танжере, Испанском Марокко или на материке. Точно также для нас важна уверенность в решимости Испания вступить в борьбу в случае возможной англо-американской высадки в Португалии. Если у нас не будет этой уверенности, то будет жал каждой пушки, поскольку тогда нам придется считаться не только с тем, что это ценное оружие будет послано напрасно, но и с тем, что оно может в полной исправности попасть в руки к американцам. Фюрер просил генерала Муньос Гранде выяснить в Испании этот вопрос и любезно сообщить ему о результате. Генерал Муньос Гранде принял это поручение и сообщил нам, что тотчас же после прибытия в Испанию, он доведет до сведения главы государства Франко точку зрения фюрера.

Как вы можете усмотреть из вышеизложенного, осуществление поставок немецкого оружия в Испанию фюрер связал с определенными политическими условиями.

Предстоящий процесс главных японских военных преступников

ЛОНДОН, 29 апреля. (ТАСС). Лондонское радио сообщает, что Международный Трибунал в Токио опубликовал обвинительное заключение по делу 28 японских главных военных преступников, которые обвиняются между прочим, в том, что они начали и вели агрессивную войну, в том, что они совершили массовые убийства и совершали преступления против гуманности.

Во главе списка стоит генерал Токио, который сейчас совершенно оправдался от ран, нанесенных им себе при попытке самоубийства. В список включены три быв-

Ввиду этого необходимо, чтобы испанское правительство в первую очередь приняло решение, готово ли оно выполнять эти условия, т.е. даст ли оно нам гарантии в том, что оградит с оружием в руках все попытки союзников. Еще не установлено, каким путем испанское правительство сообщит нам о своей позиции по отношению к предварительному запросу, переданному через Муньос Гранде. Об этом вопросе, кроме Вас, информированы также тамошний военный атташе, а также коньер-фюрер Гоффман, который здесь служил генералу в качестве переводчика во время прошлого визита, который он мне нанес. Я просил генерала передать мне информацию через коньерфюрера Гоффмана.

При таком положении вещей, я прошу Вас со своей стороны воздерживаться от воздействия на испанское правительство в смысле ускорения принятия им решения. Я прошу Вас также не обнаруживать в разговорах, что вы ориентированы о содержании беседы с Муньос Гранде. Испанское правительство само полностью уяснит себе важность этого дела и у него не должно создаваться впечатление, что мы хотим оказать на него какое-либо давление.

По поводу последней фразы Вашей телеграммы я замечу еще, что я согласен с командованием руководителем экономического отдела посольства Эберля для участия в намеченных Берлинских переговорах о поставках оружия. Риббентроп.

Телеграмма. Совершенно секретно. МАДРИД, 9 февраля 1943 г. 0 ч. 05 м. Получена: 9 февраля 1943 г. 1 ч. 00 м.

№ 760 от 8.2. В дополнение к телеграмме от 1-го. № 628.

Испанское правительство готово подписать секретный протокол в следующей формулировке:

«В момент, когда должно осуществиться намерение германского правительства снабдить испанскую армию в возможно короткий срок оружием, военным имуществом и материалами новейшего вы-

пуска и в достаточном количестве, испанское правительство на запрос имперского правительства заявляет, что оно полно решимости протестовать всякому вступлению англо-американских вооруженных сил на Иберийский полуостров, что означает, следовательно, в Средиземном море, Атлантике и Африке, а равно и в испанский протекторат в Марокко, и отражать такое вступление всеми имеющимися в его распоряжении средствами.

Обе стороны обязуются сохранять в полной тайне настоящее заявление, составленное на немецком и испанском языках.

Мадрид: дата; за германское правительство; за испанское правительство».

Конек протокола.

По поводу содержания текста позволю себе заметить следующее: Формулировка вступления в силу, которую я предложил, соответствует желанию испанцев.

Мой первый проект содержал только одну общую ссылку на возможность создания складов оружия. Но Хордана придает значение тому, чтобы из формулировки было видно, что протокол является не началом переговоров, а шагом вперед в ходе переговоров, уже начатых нами нотой от 10-го декабря. Так как предложенная им ссылка на «намерение снабдить оружием и т.д.» новейшего выпуска и в достаточном количестве», соответствовала обещанию фюрера, данному им Муньос Гранде (телеграмма от 28 декабря № 5.081), и поскольку испанская готовность к обороне не ставит собой же в зависимость от выполнения этого обещания, я счел возможным отказаться от возражений Мольте.

Телеграмма. Совершенно секретно. МАДРИД, 12 февраля 1943 г. 22 ч. 20 м. Получена: 12 февраля 1943 г. 23 ч. 50 м.

№ 887 от 12 февраля. На телеграмму № 601 от 10. Тайный протокол подписан сегодня вечером.

Подписан будет выслан с курьером 15 февраля. Мольте. (ТАСС).

ВОКРУГ „КОНФЕРЕНЦИИ ЧЕТЫРЕХ“

ПАРИЖ, 29 апреля. (Спектор. ТАСС). Накануне парижской Сессии Совета Министров иностранных дел наиболее влиятельная часть мировой, в том числе парижской печати взяла тон хорошо рассчитанного «негизмизма». Расхождение позиций держав по вопросам, подлежащим разрешению в Париже, изображалось в самом безотрадном свете. При этом газеты неизменно кивали в сторону Советского Союза: всему, дескать, причиной его «неуступчивости», «несговорчивости» и т.д.

Нетрудно разгадать цель этой унизительной согласованной кампании. Видно, влиятельные круги хотели бы заранее отвлечь внимание широкой общественности от действительных причин имеющихся затруднений, могущих привести к неукладу парижских переговоров. Круги, которые склонны скорее диктовать другим странам свою волю, чем строить свои отношения с ними на равных правах, считаясь с их законными интересами, желали бы заранее поставить советскую делегацию в затруднительное положение, всячески извращая ее подлинную позицию.

Действую в этом плане, газеты писали не о необходимых условиях и предпосылках успеха парижских совещаний, а о том, что произойдет в случае их безрезультатного окончания. Следует сказать, что парижская печать в этом отношении полностью отразила веяния, плущие из Лондона и Вашингтона. Если союзники держав не удастся согласовать вопросы мирных договоров с бывшими вражескими странами, писали газеты, то останется единственно возможный путь в заключение сепаратных договоров с этими странами. Вторая своим англо-саксонским коллегам, внешнеполитический редактор социалистической газеты «Популар» Шарль Дюма утверждал, что, дескать, сепаратные договоры все же лучше, чем ничего.

Судя по газетным комментариям, могло создаться впечатление, что крупнейшим камнем преткновения является вопрос об итальянских репарациях. Между тем, известно, что в советском предложении речь идет об общей сумме 300 миллионов долларов, из которой на долю Советского Союза приходится только 100 миллионов долларов. Для сравнения достаточно напомнить, что союзные оккупационные власти уже выкачали из Италии в виде расходов на содержание оккупационных войск и путем вывоза оборудования и всяких материалов в несколько раз более крупную сумму.

Касаясь обсуждения условий мирного договора с Италией, и другие газеты уделяют внимание, прежде всего, вопросам, интересующим французскую публику. С удовлетворением сообщается, что при разделе итальянского военного флота Франция получит свою долю паряху с другими союзными державами.

Особо отмечается, что советская делегация проявила сочувственное отношение к французскому требованию о некотором исправлении франко-итальянской границы. Заметна тенденция в известной мере оторваться от чужих стан-

дарты в оценке международных проблем. Так, официальная газета «Монд» поместила статью об итальянских репарациях, в которой отмечается, что советские требования законны и умеренны, и приводятся факты, подтверждающие это положение. Сегодня газеты сообщают, что назначенный Советом Министров комитет экспертов по вопросу о репарациях с Италии обсуждал, такие источники, уплаты репараций, как имущество военных преступников, золото, которое подлежит возврату Италии, часть судов торгового флота и т.д. В печати раздаются и голоса критики по адресу англо-саксонских держав. Так, высказывается мнение, что Бени, возмущая против французского предложения относительно обсуждения германской проблемы, делает ставку на противопоставление Германскому Советскому Союзу, и тем самым повторяет роковую ошибку Тори, совершившую после первой мировой войны.

В связи с предстоящим обсуждением проблемы Триеста газеты сообщают, что в Париж прибыла югославская делегация, целью которой является защита позиций Югославии по данному вопросу. Опубликовано заявление, сделанное заместителем министра иностранных дел Югославии Бебелем французскому агентству. В этом заявлении говорится: «Поступило, как можно отделать голову от туловища; именно так обстоит дело с Триестом, который не может быть отрезан от югославских земель. Мы полагаем, что было бы несправедливо требовать от одной из стран Общественных наций, чтобы она отдала бывшей вражеской стране часть своей национальной территории. На такую жертву не может согласиться ни одна страна».

Ряд газет помечает сообщения от своих корреспондентов, находящихся в Триесте. Даже газеты, без всякого сочувствия относящиеся к новой Югославии, не могут отказать тот факт, что подавляющее большинство населения Триеста как славяне, так и итальянцы, желают присоединения к Югославии и открыто выражают свое мнение, несмотря на противодействие оккупационных властей.

Один из корреспондентов пишет, что английские полицейские превратились в маляров: каждый день они с краской и кистью прогуливаются по улицам Триеста, замазывая бесчисленные надписи, сделанные триестинцами за ночь.

Как бы то ни было, повидимому, постепенно прокладывает себе путь понимание той простой истины, что успех или неуспех парижских переговоров не является чем-то заранее предопределенным, что их исход на деле целиком зависит от доброй воли участников переговоров, от их готовности к учету и пониманию взаимных интересов, к решению вопросов не в духе павызывания воли одних держав другим великим державам, а в духе уважения законных требований каждого участника переговоров и выполнения обязательств, вытекающих из заранее заключенных соглашений. — Ближайшие дни покажут, в какой мере осуществится это важнейшее условие успеха парижских переговоров.

Заявление болгарского министра иностранных дел на пресс-конференции

СОФИЯ, 26 апреля. (ТАСС). Как передает болгарское телеграфное агентство, министр иностранных дел Болгарии Георги Кулишов заявил представителям печати, что болгарское правительство находит своевременным разъяснить свою точку зрения на вопросы мира и довести ее до сведения соответствующих правительств. С этой целью выработан специальный меморандум, который представлен 4 министрам иностранных дел великих держав, собравшимся в Париже. Меморандум будет также вскоре послан правительствам всех государств, участвующих на мирной конференции.

«В данный момент, — заявил Кулишов, — я могу сказать по поводу точки зрения, изложенной в меморандуме, что, как считает Болгария, ей должен быть обеспечен реальный выход к Эгейскому морю. Это является для Болгарии вопросом чрезвычайной важности, и это было признано и самим греческим правительством. Подобный выход был торжественно обещан Болгарии мирным договором в Нейи, но обязательства, взятые тогда великими державами, не были выполнены. Все дискуссии по этому вопросу показали, что единственно реальным является территориальный выход, который сможет отвечать экономическим и географическим потребностям Болгарии. В связи с этим Болгария ждала и имеет на то все основания, чтобы ей была возвращена Западная Фракия, которой она обладала с 1912 по 1919 годы и которая была у нее отобрана вопреки всякому праву и справедливости.

Мы питаем твердую надежду, что великие «союзные» державы признают обоснованный характер этого болгарского требования, который в принципе не может оспариваться никем. Объективные вейе, изложенные выше, со всей ясностью освещают подлинное существование вопроса о Западной Фракии и делают изданным опровержение претензий, которые неко-

торые греческие повиннистические круги выдвигают в полях «стратегического исправления» границы в пользу Греции. Эти претензии являются, с точки зрения справедливости и реальности, настолько непреклонными и абсурдными, что, видимо, могут быть объяснены исключительно желанием вышеуказанных кругов попятиться заранее отвлечь внимание мирового общественного мнения от законного и общепризнанного права Болгарии иметь реальный выход к Эгейскому морю через Западную Фракию.

Что касается вопроса о репарациях, который, без сомнения, будет поднят в связи с мирным договором, болгарское правительство считает, что от Болгарии можно требовать только возмещения потерь, в отношении которых будет доказано, что они действительно причинены органами и подданными болгарского государства, а не, например, немецкими войсками во время отступления.

Необходимо также принять во внимание вложения, имущество и материалы болгарского государства или частных лиц, оставленных во владениях греческого государства.

Наконец, следует учесть крайне ненадежное «финансово-экономическое» положение Болгарии, а также ее вклад в войну против гитлеровской Германии».

Ответ. редактор М. ПАВЛОВ.

В ТЕАТРЕ И КИНО:

Обладратреат им. А. С. Пушкина: 1 мая — «Ночное радио», 2 мая — «Самолет опаздывает на сутки», вечером — «Варяры». Кинотеатр им. Шенкина: 1—2 мая детский сеанс — «Битва за Севастополь», вечером — «Сильва». Кинотеатр «Смена»: с 1 мая — «Аршин Мал Алан». Кинотеатр «Комсомолец»: 1 мая — «Великий перелом».

Тир. 55.100. Зак. 1757.

Английские оккупационные власти в Германии потребовали выхода делегатов от английской зоны из правления СЕПГ

БЕРЛИН, 23 апреля. (ТАСС). (Задержано доставкой). Газета «Дер Берлинер» опубликовала статью, в которой приводится приказ английских оккупационных властей делегатам организации компартии Германии (КПГ) и социал-демократической партии Германии (СДПГ) английской зоны, которые вошли в правление социалистической единой партии Германии (СЕПГ).

22 апреля, пишет газета, на сессии СЕПГ в правление партии было избрано 80 делегатов с/езда, среди них 14 членов КПГ и СДПГ из английской зоны, которые получили разрешение на поездку

в Берлин, чтобы в качестве гостей присутствовать на сессии. Английские военные власти предложили этим 14 членам специальным служебным письмом немедленно выйти из центрального правления СЕПГ. Это письмо подписано английским подполковником и приложено из политического отдела английской Контрольной комиссии в Германии. В нем говорится, что все члены СДПГ и КПГ английской зоны оккупации получили разрешение присутствовать на конференции делегатов советской зоны и Берлина. Представители западной зоны были приглашены руководством СДПГ и КПГ на эту конференцию лишь в

качестве гостей. Приказ этим представителям выйти из состава правления СЕПГ мотивируется тем, что «до сих пор ни английские военные власти, ни английской зоне оккупации, ни Союзная коммандатура Берлина не признали СЕПГ как партию, так как речь идет о создании совершенно новой партии с новым уставом, которая еще не ходатайствовала о разрешении на существование. Поэтому члены политический партий из английской зоны оккупации в настоящее время не могут быть избранными в центральное правление партии».

ТАГАТА, 29 апреля. (ТАСС). Агентство АНП передает, что 27 апреля северовосточное Байтег-зорта голландцы напали на индонезийцев. Во время боя убито 19 индонезийцев и 150 ранено. Голландцы оперировали также юго-восточные Батави, где распустили группы индонезийцев. В

ПОЛОЖЕНИЕ В ИНДОНЕЗИИ

Лембаке англо-голландские войска при поддержке артиллерии отбили атаку индонезийцев. Продолжались также стычки в районах Семапанга и Сурабайи, где англо-голландские войска применяли против индонезийцев значительные силы артиллерии.

Военные преступники должны будут предстать перед военным Трибуналом 2 мая.